

Реальные ужасы: хроники невыдуманных кошмаров

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ОТЧЕТ

Дело № 47-2187
Дата 14/IX/1962

Место происшествия:
Ленинградская обл.,
д. Черный Бор

Краткое описание:

Жалобы на странные
звuky по ночам.
Исчезновение свидетеля.
Следов взлома нет.
Обстоятельства
необычайны.

Дневник

3 ноября

Снова слышу шаги
на чердаке. Старый
дом будто живет
своей жизнью.
Сегодня я видел
его в дверном проеме.
Темный силуэт,
без лица.
Он просто стоял
и смотрел.
Зачем?
Что ему нужно?
Я боюсь оставаться
один...

Архив Ужаса

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Архив Ужаса

Реальные ужасы: хроники невыдуманных кошмаров

Серия «Архив ужаса», книга 1

*<https://litres.ru/73939451>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Вас ждёт погружение в мир, где граница между вымыслом и реальностью стерта навсегда. В сборнике «Реальные ужасы: хроники невыдуманных кошмаров» собраны рассказы, основанные на документальных фактах — от жутких происшествий в заброшенных домах до мистических событий на оживлённых городских улицах.

Каждый рассказ — результат длительного расследования и свидетелями которых стали реальные люди.

В этих историях нет условных чудовищ: здесь живой страх, холодящий кровь, и необъяснимые явления, с которыми столкнулась реальность.

Готовы ли вы взглянуть правде в глаза и понять, что самые страшные кошмары происходят не в воображении, а наяву? Этот сборник — ваш проводник по тёмным закоулкам общественного сознания, где потустороннее переплетается с бытом и заставляет дрожать сердце.

Содержание

ДОМ НА ОУШЕН-АВЕНЮ	4
Т	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Архив Ужаса

Реальные ужасы: хроники невыдуманных кошмаров

ДОМ НА ОУШЕН-АВЕНЮ

Часть первая. Сделка

Дом стоил вдвое дешевле рыночной цены. Риелтор сказала об этом по телефону — буднично, как сообщают прогноз погоды.

— Восемьдесят тысяч, — повторила она. — Да, вы правильно расслышали. Голландский колониальный стиль, шесть спален, бассейн, лодочный сарай на канале. Район — Амитивилл, Лонг-Айленд. Очень тихий. Очень зелёный.

Даниэль Ларсен положил трубку и посмотрел на жену. Кэтрин сидела за кухонным столом их тесной квартиры в Дир-Парке и кормила младшую, Мисси, яблочным пюре из банки. Мисси было пять. Она размазывала пюре по щекам и смеялась. Двое старших мальчиков — Дэнни-младший, десяти лет, и Крис, семи, — дрались в соседней комнате из-за бейсбольной перчатки. Был ноябрь 1975 года. За окном мо-

росил дождь, мелкий и настойчивый, какой бывает на Лонг-Айленде поздней осенью.

— Восемьдесят тысяч, — сказал Даниэль.

Кэтрин подняла глаза.

— За что?

— За дом. Шесть спален. Амитивилл.

Она вытерла Мисси рот салфеткой, и в этом простом жесте — привычном, автоматическом — было всё, что нужно знать об их жизни. Они были обычной семьёй. Даниэль занимался геодезией, Кэтрин подрабатывала в местной аптеке по полдня и вела дом. Они поженились, когда ей было двадцать два, а ему двадцать шесть. Он принял её сыновей от первого брака, и мальчики звали его папой. Они ходили в церковь по воскресеньям — не каждое, но достаточно часто, чтобы считать себя верующими. Они хотели дом с лужайкой. Как все.

— Восемьдесят тысяч — это подозрительно дёшево, — сказала Кэтрин.

— Я знаю.

— Почему?

Даниэль помолчал. Риелтор объяснила. Он не хотел повторять это при Мисси, хотя Мисси было пять и она бы не поняла. Он не хотел повторять это вслух, потому что произнесённые вслух слова становились частью реальности, а он уже решил, что они поедут смотреть дом. Он решил это в ту секунду, когда услышал цену. Восемьдесят тысяч за дом,

который стоил сто шестьдесят. Они не могли себе позволить упустить такое.

— Там кое-что произошло, — сказал он. — Год назад. Я расскажу потом.

Кэтрин посмотрела на него долгим взглядом. У неё были тёмные глаза, почти чёрные, и когда она смотрела так — не мигая, чуть наклонив голову, — Даниэль всегда чувствовал, что она видит больше, чем он говорит. Но она не стала спрашивать. Мисси потянулась за ложкой, и Кэтрин вернулась к кормлению.

Они поехали смотреть дом через два дня.

Он стоял на углу Оушен-авеню, 112, — большой, уверенный, с двумя характерными окнами-полумесяцами на мансардном этаже, которые смотрели на улицу как два полуприкрытых глаза. Фасад был обшит деревом и выкрашен в тёмно-коричневый цвет, почти чёрный в ноябрьских сумерках. Перед домом росли старые клёны, голые в это время года, и их ветви переплетались над подъездной дорожкой, образуя что-то вроде арки. Газон был аккуратно подстрижен — кто-то следил за домом, пока тот стоял пустым.

Даниэль вышел из машины первым. Воздух пах мокрой землёй и — едва уловимо — чем-то сладковатым, органическим. Он решил, что это опавшие листья, гниющие под дождём. Канал за домом был серым и неподвижным. Лодочный сарай покосился, но выглядел крепким.

— Красивый, — сказала Кэтрин, выходя следом. Она дер-

жала Мисси на руке. Мисси смотрела на дом и молчала.

Мальчики выскочили с заднего сиденья и тут же побежали к лужайке.

— Пап, тут бассейн! — крикнул Крис.

Риелтор — её звали Конни Маршалл, женщина лет пятидесяти с короткой химической завивкой и профессиональной улыбкой — уже ждала у входа. Она пожала им руки, сказала что-то про прекрасный район и хорошие школы и открыла дверь.

Внутри пахло иначе. Не плесенью, не затхлостью пустого жилья. Запах был тёплым, густым, как в доме, где только что готовили. Даниэль подумал, что, наверное, работает отопление. Конни подтвердила: да, она включила котёл за час до их приезда, чтобы дом выглядел уютнее.

Они прошли через прихожую в гостиную. Камин с кирпичной кладкой. Деревянные полы, тёмные от лака. Большие окна с видом на задний двор и канал. Кухня — просторная, с островом посередине. Столовая с люстрой. Наверху — четыре спальни и две ванные. На третьем этаже — ещё две комнаты и маленькая кладовая.

Дом был меблирован. Это удивило Даниэля, и он спросил.

— Предыдущие владельцы оставили мебель, — сказала Конни. Она произнесла это ровным голосом, не замедлив шага. — Она включена в стоимость.

Даниэль кивнул. Он уже знал, почему предыдущие владельцы оставили мебель. Он знал, почему дом стоил восемь-

десять тысяч. Он прочитал об этом в газетах, прежде чем приехать.

Тринадцатого ноября 1974 года — чуть больше года назад — в этом доме были убиты шесть человек. Отец, мать, двое сыновей и две дочери. Все застрелены в своих кроватях, ночью, пока спали. Убийцей оказался старший сын, двадцатитрёхлетний Рональд. На суде он сказал, что слышал голоса.

Даниэль рассказал Кэтрин накануне вечером, когда дети уснули. Она слушала молча, сцепив руки на коленях. Потом спросила:

— И ты всё равно хочешь ехать смотреть?

— Я хочу, чтобы у нас был дом, — ответил он. — Настоящий дом. С лужайкой и бассейном. Для детей.

Она долго молчала.

— Ладно, — сказала она наконец. — Поедем посмотрим.

Теперь они стояли в главной спальне на втором этаже. Кровать была застелена. Покрывало — бежевое, с мелким цветочным рисунком. Даниэль смотрел на кровать и думал о том, что на ней умерли люди. Что, возможно, это то самое покрывало. Что, возможно, его стирали, а возможно, нет. Мысль была неприятной, но абстрактной, как мысль о собственной смерти: ты знаешь, что это реально, но не можешь по-настоящему прочувствовать.

— Мне нравится, — сказала Кэтрин. Она стояла у окна и смотрела на канал. Мисси, которую она опустила на пол, сидела на ковре и играла с пуговицей от своего пальто. —

Мне правда нравится.

Сделку закрыли в начале декабря. Восемнадцатого декабря 1975 года они переехали.

Часть вторая. Двадцать восемь дней

День первый.

Переезд прошёл быстро. Вещей у них было немного — одежда, посуда, игрушки детей, несколько коробок с книгами. Мебель уже стояла на месте. Даниэль перенёс коробки из фургона, Кэтрин разложила вещи по шкафам. Мальчики выбрали себе комнаты на втором этаже — через стенку друг от друга. Мисси поселилась в маленькой комнате рядом с родительской спальней.

Вечером они сидели в гостиной у камина. Даниэль разжёг огонь — дрова нашлись в сарае за домом, аккуратно сложенные, сухие. Кэтрин сделала горячий шоколад. Мисси уснула на диване, свернувшись калачиком. Мальчики смотрели телевизор — старый «Зенит», оставшийся от прежних хозяев. Гарри — их пёс, помесь лабрадора с чем-то неопределённым, добродушный и ленивый, — лежал у камина и вздыхал от удовольствия.

— Хороший дом, — сказал Даниэль.

Кэтрин улыбнулась. Она сидела в кресле, поджав ноги, и держала чашку обеими руками. Огонь отражался в её тёмных глазах.

— Хороший, — согласилась она.

Ночью Даниэль проснулся в 3:15. Он не знал, что его разбудило. Лежал в темноте и слушал. Дом молчал. Не скрипел, не стонал, не издавал тех звуков, которые издают старые дома. Он молчал абсолютно. Даниэль понял, что именно это его и разбудило — тишина. В их квартире в Дир-Парке всегда что-то звучало: трубы, соседи, машины за окном. Здесь не было ничего. Тишина была плотной, физически ощутимой, как вата в ушах.

Он повернулся на бок и закрыл глаза. Уснул не сразу.

День второй.

Утром пришёл отец Маркус Пеккоринни. Кэтрин договорилась с ним заранее, ещё до переезда. Невысокий, полный, с добрым лицом и мягкими руками, он приехал благословить дом. Обычная просьба для верующей семьи, обычное дело для приходского священника.

Кэтрин не сказала ему, что произошло в доме год назад. Она не хотела, чтобы это влияло на благословение. Она хотела чистого начала.

Отец Пеккоринни прошёл по первому этажу — гостиная, кухня, столовая. Читал молитвы, кропил стены святой водой. Поднялся на второй этаж. Комнаты мальчиков, комната Мисси, родительская спальня. Всё было спокойно.

На третьем этаже он остановился. Даниэль отвёл одну из комнат под будущий кабинет — пока пустую, с голыми стенами и одиноким стулом у окна. Отец Пеккоринни вошёл,

начал читать молитву. И остановился.

Кэтрин стояла в дверях и видела, как он побледнел. Не постепенно — мгновенно, как будто из его лица разом ушла вся кровь. Он повернулся к ней и сказал:

— Нам нужно выйти из этой комнаты.

Его голос был спокойным, но Кэтрин услышала в нём что-то, чего раньше не слышала ни в одном человеческом голосе. Не страх. Что-то за пределами страха. Узнавание.

Они спустились на первый этаж. Отец Пеккоринни сел на стул в прихожей и несколько минут молчал. Потом посмотрел на Кэтрин.

— Не используйте ту комнату наверху, — сказал он. — Держите дверь закрытой.

— Почему?

Он не ответил на вопрос. Вместо этого сказал:

— Я вернусь. Мне нужно поговорить с кое-кем.

Он ушёл. Кэтрин стояла у окна и смотрела, как он идёт к машине. Его походка была другой — не той, с которой он пришёл. Он шёл быстро, чуть сутулясь, как человек, который хочет оказаться как можно дальше от того места, где находится.

Кэтрин не придавала этому большого значения. Священники бывают впечатлительными. Дом старый, в нём произошла трагедия — может быть, отец Пеккоринни просто знал. Может быть, кто-то из прихожан рассказал ему. Она закрыла дверь комнаты на третьем этаже и спустилась готовить ужин.

День третий.

Мухи. Кэтрин поднялась на третий этаж за коробкой с ёлочными игрушками — Рождество через пять дней — и заглянула в комнату, которую священник велел держать закрытой. Она не собиралась заходить. Просто приоткрыла дверь.

На окне сидели мухи. Не одна и не две — десятки. Чёрные, крупные, зимние мухи. Откуда они взялись в декабре, было непонятно. Они сидели на правой створке окна, плотно, одна к одной, словно грелись. Комната гудела — низким, ровным, почти электрическим гулом.

Кэтрин закрыла дверь. Рассказала Даниэлю вечером.

— Может, где-то дохлая крыса в стене, — сказал он спокойно, практично. Он был практичным человеком. Мухи — это не мистика, это санитарная проблема. Он купил спрей от насекомых, обработал комнату, убил мух, протёр подоконник. Закрыл дверь. Заклеил щель под дверью полотенцем.

Через два дня мухи вернулись. Их было больше. Они покрывали всё окно — обе створки, раму, подоконник. Даниэль стоял в дверях и смотрел на них. Он закрыл дверь и больше не заходил туда.

День пятый.

Кэтрин стала мёрзнуть. Не так, как мёрзнут зимой, — поверхностно, от сквозняка. Она мёрзла изнутри. Холод начинался где-то в животе и расходился к рукам и ногам. Она надевала два свитера, пила горячий чай, сидела у камина — не помогало. Термостат показывал семьдесят два градуса по

Фаренгейту. В доме было тепло. Даниэль ходил в футболке. Дети не жаловались.

— Может, ты болеешь, — сказал Даниэль.

— Может быть, — согласилась Кэтрин.

Но она не заболела. Температура была нормальной. Горло не болело. Насморка не было. Был только холод — постоянный, ноющий, как зубная боль.

Она заметила ещё кое-что, но не сказала Даниэлю. Запах. Тот самый — тёплый, сладковатый, — который она почувствовала, когда они пришли смотреть дом. Тогда она решила, что это отопление. Теперь она жила здесь пятый день и знала, что отопление так не пахнет. Запах появлялся и исчезал без всякой логики. Иногда в спальне, иногда на лестнице, иногда в подвале, куда она спускалась за стиральным порошком. Он был не сильным, но настойчивым. Как духи человека, который только что вышел из комнаты.

Кэтрин не могла определить, на что он похож. Потом, через много лет, она скажет журналисту: «Это был запах чего-то живого. Или чего-то, что притворяется живым».

И ещё — Гарри. Пёс, который в первый вечер блаженно вздыхал у камина, теперь большую часть дня лежал в углу прихожей, у входной двери, положив морду на лапы. Он не играл с детьми. Не просился гулять. Не вилял хвостом, когда Даниэль приходил с работы. Он лежал и смотрел в одну точку — на лестницу, ведущую в подвал. Если кто-то пытался спустить его вниз, он упирался всеми четырьмя лапами и

начинал скулить — тихо, монотонно, не переставая.

День седьмой. Сочельник.

Кэтрин украсила ёлку, купила подарки, приготовила индейку. Они старались. Это было их первое Рождество в собственном доме, и они хотели сделать его нормальным. Праздничным. Мальчики получили бейсбольные перчатки и настольную игру. Мисси — куклу. Даниэль подарил Кэтрин серебряный браслет.

Мисси завела воображаемую подругу. Это нормально для пятилетних детей — Кэтрин прочитала об этом в книге по детской психологии. Дети создают воображаемых друзей, когда им одиноко или когда они адаптируются к новой обстановке. Мисси назвала подругу Джоди.

— Джоди тоже хочет подарок, — сказала Мисси за рождественским ужином. Она болтала ногами, не доставая до пола.

— Правда? — Кэтрин улыбнулась. — И какая она, твоя Джоди?

— Она большая, — сказала Мисси. — У неё красные глаза. Она смотрит в окно.

Кэтрин перестала улыбаться. Не потому, что испугалась, — она не верила в привидения, и красные глаза были, скорее всего, деталью из какого-нибудь мультфильма. Она перестала улыбаться, потому что Мисси сказала это совершенно серьёзно. Без детского хвастовства, без игры. Как сообщают факт.

— Джоди — это девочка? — спросила Кэтрин.

Мисси подумала.

— Нет.

— Мальчик?

— Нет.

— А кто?

Мисси пожала плечами и вернулась к индейке.

Вечером Кэтрин зашла в комнату Мисси. Дочь уже спала.

Ночник — пластиковый клоун с лампочкой внутри — горел на тумбочке. Комната была маленькой: кровать, шкаф, стул, окно. Кэтрин постояла у двери и посмотрела на окно. Шторы были задёрнуты. За ними — ничего. Тёмный двор, голые деревья, канал.

Она подошла к окну и отдёрнула штору. На стекле, с внешней стороны, были следы. Два отпечатка — круглых, размером с ладонь, но не ладони. Что-то прижималось к стеклу снаружи. Кэтрин стояла и смотрела на эти отпечатки. Комната Мисси была на втором этаже.

Она задёрнула штору и вышла.

День десятый.

Даниэль начал просыпаться каждую ночь в 3:15. Не приблизительно — ровно в 3:15. Он проверял часы на тумбочке каждый раз. Красные цифры электронного будильника: 3:15. Каждую ночь. Без исключений.

Он не мог объяснить, что его будило. Не звук, не свет, не движение. Просто включение. Как будто кто-то нажимал выключатель в его голове. Секунду назад он спал — и вот ле-

жит с открытыми глазами и смотрит в потолок. Сердце бьётся ровно. Страха нет. Есть только бодрствование — резкое, полное, неестественное.

Он лежал так минут десять-пятнадцать, потом засыпал снова. Утром чувствовал себя нормально. Не уставшим, не разбитым. Просто нормально.

Он не знал — и узнает только потом, из полицейских протоколов, — что тринадцатого ноября 1974 года Рональд Дефео начал стрелять в свою семью приблизительно в 3:15 ночи.

День двенадцатый.

Кэтрин нашла в подвале маленькую комнату. Она не была обозначена на плане дома, который им дала риелтор. Дверь пряталась за стеллажом с банками — старыми, пыльными, с выцветшими этикетками. Кэтрин двигала стеллаж, чтобы протереть пол, и увидела дверь. Низкую, не больше метра двадцати в высоту, покрашенную в тот же цвет, что и стена, — грязно-белый.

Она открыла дверь. За ней была комната — примерно два на два метра, с бетонным полом и голыми стенами. Стены были красными. Не кирпичными — покрашенными в красный цвет. Ярко-красный, как пожарная машина. В комнате ничего не было. Пустой бетонный пол, красные стены, низкий потолок. Пахло сыростью и чем-то ещё — тем самым сладковатым запахом, только здесь он был сильнее. Гуще.

Кэтрин стояла на коленях перед низкой дверью и смотре-

ла внутрь. Она не вошла. Позже не могла объяснить почему. Не страх — что-то другое. Отвращение, может быть. Физическое, телесное, как при виде гниющей пищи. Тело отказывалось входить в эту комнату.

Она закрыла дверь и придвинула стеллаж на место.

Вечером рассказала Даниэлю. Он спустился в подвал, отодвинул стеллаж, открыл дверь. Посветил фонариком.

— Красная, — сказал он.

— Да.

— Может, бывшая котельная. Или кладовка.

— Может быть.

Он закрыл дверь. Они больше не обсуждали это.

День четырнадцатый. Канун Нового года.

За ужином Кэтрин заметила, что Даниэль почти не ест. Он сидел во главе стола — длинного, дубового, оставшегося от прежних хозяев — и ковырял вилкой еду. Его лицо было серым. Не бледным — именно серым, как будто из кожи вытянули весь цвет.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Устал, — сказал он.

Это было правдой. Он устал. Но не от работы и не от переезда. Он устал от чего-то, чему не мог дать название. Каждый день в этом доме забирал у него что-то — не энергию, не силы, а что-то более тонкое. Как будто дом медленно, по капле, вытягивал из него желание двигаться, говорить, думать. Он приходил с работы и садился в кресло у камина. Сидел часа-

ми. Не читал, не смотрел телевизор. Просто сидел и смотрел на огонь. Кэтрин окликала его, и он не сразу слышал.

Он стал раздражительным. Не злым — раздражительным. Мелочи, которые раньше не замечал, теперь выводили его из себя: скрип стула, смех мальчиков, звук текущей воды. Он стискивал зубы и молчал, но Кэтрин видела, как напрягаются мышцы на его челюсти.

Гарри теперь почти не вставал со своего места в прихожей. Он похудел. Миска с кормом оставалась полной до вечера. Когда Кэтрин садилась рядом и гладила его, он прижимался к её ноге и дрожал — мелко, всем телом, как во время грозы. Но грозы не было. Был тихий, пустой зимний вечер.

День пятнадцатый.

Крис уронил стакан с молоком за завтраком. Стакан разбился, молоко растеклось по полу. Даниэль вскочил из-за стола так резко, что стул опрокинулся. Он стоял над Крисом и смотрел на него сверху вниз. Руки сжаты в кулаки. Крис смотрел на отца снизу вверх, и в его глазах был страх — настоящий, взрослый страх, которого не должно быть в глазах семилетнего ребёнка.

Момент длился секунду. Может, две. Потом Даниэль разжал кулаки, поднял стул и сел.

— Извини, — сказал он. — Извини, приятель. Ничего страшного.

Крис кивнул, но за завтраком больше не разговаривал.

День семнадцатый.

Мальчики вернулись в школу после каникул. Дом опустел. Мисси играла в своей комнате. Даниэль ушёл на работу — он всё ещё ходил, хотя каждое утро Кэтрин видела, каких усилий ему стоит встать с кровати.

Кэтрин осталась одна. Она мыла посуду и думала о том, что нужно позвонить отцу Пеккоринни. Она не могла сформулировать зачем. Что она скажет? В доме мухи? Мой муж стал раздражительным? Дочь разговаривает с воображаемой подругой? Всё это звучало нормально. Всё это было нормально по отдельности. Но вместе складывалось во что-то, для чего у неё не было слов.

Она позвонила в приход. Секретарь сказала, что отец Пеккоринни нездоров. Ничего серьёзного, простуда, но он не принимает визиты и не выезжает. Кэтрин оставила номер и попросила перезвонить.

Он перезвонил вечером. Связь была плохой — треск, помехи, как будто между ними были тысячи километров, а не двадцать минут на машине.

— Кэтрин, — сказал он. Его голос звучал иначе, чем две недели назад. Тише. Старше. — Как дом?

— Я хотела спросить вас, — сказала она. — Тогда, на третьем этаже. Что вы почувствовали?

Треск. Помехи. Долгая пауза.

— Мне сказали уйти, — произнёс он наконец.

— Кто сказал?

— Не голос. Не слова. Ощущение. Абсолютная уверен-

ность, что я должен уйти и больше не возвращаться.

— Вы вернётесь?

Снова пауза. Потом — тихо, почти шёпотом:

— Я не могу, Кэтрин. Я пытался. Садился в машину и... не мог. Я обращался в епархию. Они... — Треск. Помехи.
— ...не рекомендуют...

Связь оборвалась.

Кэтрин положила трубку и стояла на кухне, глядя в окно на тёмный двор. Она думала о том, что священник — взрослый, образованный, практичный человек — не может заставить себя вернуться в этот дом. И о том, что она сама стоит в этом доме прямо сейчас.

День девятнадцатый.

Даниэль перестал ходить на работу. Он не уволился — просто перестал. Утром вставал, одевался, завтракал, проводил детей в школу. Потом садился в кресло у камина и сидел. Камин не горел — дрова кончились, а за новыми нужно было ехать. Даниэль сидел перед пустым камином и смотрел на чёрную решётку.

Кэтрин спрашивала, что случилось. Он говорил: «Ничего. Я просто устал». Его голос был ровным, без эмоций. Не подавленным — пустым. Как голос автоответчика.

Она стала замечать, что он разговаривает сам с собой. Не бормочет — разговаривает. Тихо, но отчётливо. Она слышала обрывки фраз, проходя мимо гостиной. Однажды остановилась за дверью и прислушалась.

— ...нет, — говорил Даниэль. Пауза. — Нет, я не буду. — Пауза. — Потому что они мои.

Кэтрин вошла в комнату. Даниэль сидел в кресле и смотрел на неё. Лицо спокойное.

— С кем ты разговаривал? — спросила она.

— Ни с кем.

— Я слышала.

— Тебе показалось.

Она хотела настоять, но что-то в его взгляде остановило её. Не угроза. Не злость. Пустота. Его глаза смотрели на неё, но не видели. Как будто между ними стояло стекло — толстое, непроницаемое. Он был здесь, в этой комнате, в этом кресле, но одновременно где-то ещё. В месте, куда она не могла за ним последовать.

День двадцать первый.

Мальчики стали плохо спать. Дэнни-младший просыпался с криком, но не мог вспомнить, что ему снилось. Крис мочил постель — впервые с четырёх лет. Оба стали замкнутыми, тихими. Перестали драться и ссориться. Это пугало Кэтрин больше всего: здоровые дети дерутся и ссорятся. Тихие дети — это неправильно.

Мисси продолжала разговаривать с Джоди. Теперь не только днём, но и ночью. Кэтрин просыпалась от звука её голоса — тонкого, ровного, как будто Мисси читала кому-то лекцию. Она вставала, шла в комнату дочери, открывала дверь. Мисси сидела на кровати лицом к окну. Штора была

отдёрнута. За окном — темнота.

— Мисси, с кем ты разговариваешь?

— С Джоди.

— Где Джоди?

Мисси показала на окно.

— Там.

Кэтрин подошла к окну. Посмотрела вниз. Второй этаж. Под окном — крыша гаража, а дальше лужайка и темнота. Ничего. Никого.

Она задёрнула штору, уложила Мисси, поцеловала в лоб. Мисси закрыла глаза. Кэтрин вышла и прикрыла дверь. Стояла в коридоре и слушала. Тишина. Потом — голос Мисси, тихий, почти шёпот:

— Она ушла. Можешь вернуться.

День двадцать третий.

Кэтрин проснулась оттого, что кровать тряслась. Не сильно — мелкой, частой дрожью, как будто под полом работал мотор. Она лежала на спине и чувствовала эту вибрацию всем телом. Даниэль спал рядом. Она тронула его — он не проснулся. Тронула сильнее. Не проснулся. Толкнула обеими руками. Не проснулся.

Вибрация прекратилась. Кэтрин лежала в темноте и слышала только своё дыхание. Посмотрела на будильник. 3:15.

Она встала. Ноги коснулись пола — пол был ледяным. Надела тапочки и вышла в коридор. Коридор второго этажа тонул в темноте. Ночник Мисси не горел — перегорела лам-

почка или кто-то выключил. Кэтрин шла к комнате дочери, и с каждым шагом запах становился сильнее. Тот самый. Сладкий, тёплый, живой. Он шёл из-за двери Мисси.

Кэтрин открыла дверь.

Мисси спала. Комната была пуста. Окно закрыто, штора задёрнута. Ничего необычного, кроме запаха — здесь он был таким плотным, что Кэтрин почувствовала его на языке. Сладость с металлическим привкусом. Как кровь, подумала она. И тут же отогнала эту мысль.

Она подошла к окну и отдёрнула штору. На стекле — снева следы. Два отпечатка. Но теперь они были с внутренней стороны.

Кэтрин стояла и смотрела на них. Руки не дрожали. Она не кричала. Просто стояла и смотрела, и в этот момент — она потом скажет об этом точно так, этими словами — поняла, что в доме есть кто-то ещё.

Не привидение. Не призрак. Не воображаемый друг пятилетней девочки. Что-то, что было здесь до них. Что-то, что осталось. Что-то, что не хотело, чтобы они уходили.

День двадцать четвёртый.

Даниэль рубил дрова. Он купил их накануне — впервые за пять дней выехал из дома, молча, без объяснений, вернулся через час с полным багажником берёзовых поленьев. Теперь рубил их на заднем дворе. Топор нашёлся в сарае — старый, тяжёлый, с деревянной рукоятью, потемневшей от времени. Он рубил методично, ритмично, с силой, которой Кэтрин в

нём раньше не замечала. Удар — треск — две половинки разлетаются в стороны. Новое полено. Удар — треск. Новое полено. Поленица росла, но он не останавливался.

Кэтрин смотрела на него из кухонного окна. Он был в футболке, несмотря на январский холод. Спина блестела от пота. Он рубил уже больше часа.

Она вышла во двор.

— Даниэль.

Удар. Треск.

— Даниэль, хватит.

Он остановился. Повернулся к ней. Топор висел в правой руке, лезвие почти касалось земли. Лицо красное от напряжения, но глаза — те же. Пустые. Стеклянные.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказала Кэтрин.

— О чём?

— О доме.

— Что с домом?

— Нам нужно уехать.

Он смотрел на неё. Молча. Долго. Потом сказал:

— Нет.

— Даниэль...

— Это наш дом. Мы никуда не уедем.

Он произнёс это голосом, который она не узнала. Не его голосом. Тембр был тот же, но интонация — чужая. Категоричная, окончательная, не допускающая возражений. Так не говорят с женой. Так отдают приказы.

Кэтрин стояла на заднем дворе и смотрела на мужа с топором в руке, и впервые за все эти дни ей стало по-настоящему страшно. Не за себя. За детей.

День двадцать шестой.

Она не уехала. Не могла объяснить почему. У неё была машина. Были деньги. Были родственники, к которым можно поехать. Но она не уехала. Каждый раз, когда она думала об отъезде — собирала в голове вещи, представляла, как сажает детей в машину, — мысль расплывалась, теряла форму, как отражение в воде, по которой бросили камень. Она забывала, о чём думала. Начинала делать что-то другое — мыть посуду, складывать бельё, протирать пыль. Дом требовал ухода. Дом требовал внимания. Дом не отпускал.

Она поняла это — именно так, этими словами — и понимание не принесло облегчения. Оно принесло ужас. Тихий, холодный, абсолютный. Она сидела на кухне и понимала, что не может уехать, и это понимание было хуже всего, что произошло до сих пор. Хуже мух, хуже запаха, хуже красной комнаты, хуже пустых глаз мужа. Потому что всё остальное можно было объяснить. Мухи — санитарная проблема. Запах — старый дом. Красная комната — причуда предыдущих хозяев. Глаза мужа — стресс, усталость, депрессия.

Но невозможность уехать объяснить было нечем.

День двадцать седьмой.

Ночь. 3:15.

Кэтрин проснулась от звука. Впервые за все эти ночи — от

звука. Не скрип, не стук. Музыка. Духовой оркестр. Марш — бравурный, жизнерадостный, как на параде. Он звучал откуда-то снизу, из гостиной. Громко, отчётливо, словно кто-то включил радио на полную мощность.

Она повернулась к Даниэлю. Он спал. Она не стала его будить — уже знала, что не сможет.

Встала и пошла вниз. Лестница. Коридор. Гостиная. Музыка становилась громче с каждым шагом. Она вошла в гостиную.

Пусто. Телевизор выключен. Радио выключено. Музыка звучала отовсюду — из стен, из пола, из потолка. Марш. Трубы, барабаны, тарелки. Кэтрин стояла посреди гостиной и слушала.

Музыка оборвалась. Не стихла — оборвалась, как будто выдернули шнур. Тишина ударила по ушам. Кэтрин стояла в темноте и слышала только своё дыхание.

Потом — шаги. Над головой. На втором этаже. Тяжёлые, медленные, размеренные. Кто-то шёл по коридору второго этажа. Там, где спали её дети.

Кэтрин побежала вверх. Она не помнила, как преодолела лестницу. Коридор второго этажа был пуст. Она открыла дверь комнаты мальчиков — Дэнни и Крис спали. Открыла дверь Мисси.

Мисси сидела на кровати. Лицом к окну. Штора отдёрнута. За окном — темнота. Мисси не поворачивалась.

— Мисси, — прошептала Кэтрин.

— Джоди говорит, чтобы вы не уезжали, — сказала Мисси. Голос ровный, взрослый, без детских интонаций. — Джоди говорит, что вы останетесь здесь. Все.

Кэтрин подошла к дочери и взяла её за плечи. Повернула к себе. Мисси смотрела на неё — глаза обычные, детские, сонные. Моргнула.

— Мама? Почему ты плачешь?

Кэтрин не знала, что плачет. Подняла руку к лицу — щёки мокрые.

— Ложись спать, малышка, — сказала она. — Всё хорошо.

Уложила Мисси, задёрнула штору, вышла. В коридоре прислонилась к стене и закрыла глаза. Её трясло — мелкой, непрекращающейся дрожью, как в ознобе. Она стояла так несколько минут, пока дрожь не утихла.

Потом спустилась на первый этаж, села за кухонный стол и стала ждать утра.

Часть третья. Осознание

Утро двадцать восьмого дня было серым и тихим. Дождь перестал идти. Небо висело низко, как грязная простыня. Даниэль сидел за кухонным столом и пил кофе. Дети ещё спали — были выходные.

Кэтрин сидела напротив. Она не спала всю ночь. Глаза красные, лицо осунувшееся. Она смотрела на мужа и пыта-

лась найти в нём того человека, за которого вышла замуж. Он был здесь — в форме подбородка, в привычке держать чашку обеими руками, в шраме на левой брови от детского падения с велосипеда. Но что-то было не так. Что-то неуловимое, как фальшивая нота в знакомой мелодии. Его лицо было лицом Даниэля, но выражение на нём принадлежало кому-то другому. Или ничему.

— Даниэль, — сказала она. — Послушай меня. Пожалуйста.

Он поднял глаза.

— Мы уезжаем. Сегодня. Сейчас. Я заберу детей, и мы уедем. Ты можешь поехать с нами или остаться. Но дети уедут.

Она ждала сопротивления. Ждала того чужого, категоричного голоса, который слышала во дворе, когда он стоял с топором. Ждала пустых глаз и сжатых кулаков.

Даниэль смотрел на неё. Молча. Его рука, державшая чашку, дрожала. Кофе плескался через край — мелкие коричневые капли падали на стол. Он смотрел на неё, и Кэтрин видела, как что-то меняется в его лице. Как будто из-под одной маски проступала другая. Пустота в его глазах дрогнула, и за ней — на секунду, на долю секунды — мелькнул ужас. Настоящий, человеческий, живой.

— Кэт, — сказал он. Голос сломался на этом коротком слогe. — Кэт, я не знаю, что со мной происходит.

Она протянула руку через стол и взяла его ладонь. Ладонь

была ледяной.

— Я знаю, — сказала она. — Поэтому мы уезжаем.

Он кивнул. Медленно, как человек, выходящий из-под наркоза. Как будто каждое движение давалось ему с усилием. Как будто что-то держало его голову и не давало кивнуть.

— Да, — сказал он. — Да. Уезжаем.

Они собрались за двадцать минут. Кэтрин разбудила детей, одела, посадила в машину. Она не взяла вещи. Не взяла одежду, не взяла игрушки, не взяла документы. Она взяла детей и мужа. Гарри запрыгнул на заднее сиденье сам — быстро, с неожиданной для последних недель прытью, словно только и ждал этого момента.

Даниэль сел за руль. Завёл мотор. Машина стояла на подъездной дорожке, мотор работал, и Кэтрин смотрела на дом через лобовое стекло.

Два окна-полумесяца на мансардном этаже. Тёмно-коричневый фасад. Голые клёны. Аккуратный газон. Красивый дом. Хороший дом. Дом, в котором они хотели жить.

Мисси на заднем сиденье повернулась к окну и помахала рукой.

— Пока, Джоди, — сказала она.

Кэтрин не обернулась. Она не хотела видеть, кому машет её дочь. Не хотела смотреть на окно второго этажа — окно комнаты Мисси. Не хотела знать, есть ли там что-то. Или кто-то.

Даниэль нажал на газ. Машина выехала на Оушен-авеню.

Дом остался позади.

Они прожили в нём двадцать восемь дней.

Позже — через недели, месяцы, годы — они будут рассказывать эту историю. Журналистам, писателям, телеведущим, следователям, священникам, психологам, скептикам. Каждый раз история будет немного другой — не в фактах, а в деталях. Память работает так: она не хранит события, она реконструирует их, и каждая реконструкция чуть отличается от предыдущей. Скептики будут указывать на расхождения как на доказательство лжи. Верующие — как на доказательство травмы. Истина, как всегда, окажется где-то в месте, куда никто не хочет смотреть.

Вот что известно точно, документально, бесспорно.

Тринадцатого ноября 1974 года, приблизительно в 3:15 ночи, двадцатитрёхлетний Рональд Дефео-младший взял винтовку Marlin 35-го калибра и прошёл по дому на Оушен-авеню, 112, от комнаты к комнате. Он застрелил отца — Рональда-старшего, сорока трёх лет. Мать — Луизу, сорока двух. Братьев — Марка, двенадцати, и Джона, девяти. Сестёр — Дон, восемнадцати, и Эллисон, тринадцати. Все шестеро были найдены в своих кроватях, лежащими на животе. Ни один не проснулся. Ни один не попытался бежать. Ни один, судя по положению тел, даже не пошевелился.

Этот факт не давал покоя следователям. Винтовка Marlin 35-го калибра — громкое оружие. Звук выстрела в закрытом помещении оглушителен. Рональд сделал восемь выстрелов.

После первого — после первого же — весь дом должен был проснуться. Люди должны были вскочить, закричать, побежать. Никто не вскочил. Никто не закричал. Никто не побежал.

На суде Рональд сказал: «Когда я начал, я не мог остановиться. Это было как будто не я. Голоса сказали мне сделать это».

Адвокат настаивал на невменяемости. Присяжные не согласились. Рональд Дефео-младший был приговорён к шести пожизненным срокам — по одному за каждого убитого члена семьи. Он умер в тюрьме в 2021 году в возрасте шестидесяти девяти лет. За сорок семь лет заключения он менял показания несколько раз. Сначала — голоса. Потом — самооборона: отец якобы был жестоким. Потом — сестра Дон якобы начала стрелять первой, а он «закончил». Потом — снова голоса.

Ни одна из его версий не объясняла, почему шесть человек не проснулись от звука выстрелов.

Токсикологическая экспертиза не обнаружила в телах снотворного или наркотиков. Соседи не слышали выстрелов — ни один из опрошенных. Собака семьи Дефео — чёрный лабрадор по кличке Шагги — была найдена живой и невинной в своей будке. Она не лаяла. Соседи подтвердили: собака не лаяла всю ночь.

Это факты. Всё остальное — интерпретация.

Семья Ларсенов переехала к родственникам Кэтрин в

Дир-Парк. Они не вернулись за вещами. Всё, что привезли в дом на Оушен-авеню, осталось там — одежда, посуда, игрушки, книги. Они не вернулись ни разу.

Даниэль постепенно пришёл в себя. Серый цвет ушёл с его лица. Пустота ушла из глаз. Он снова стал ходить на работу, разговаривать с детьми, смеяться. Но он изменился. Кэтрин видела это, хотя не могла сформулировать, в чём именно. Он стал легче — не физически, а как-то иначе. Как будто часть его осталась в том доме. Как будто он вернулся не целиком.

Мисси перестала разговаривать с Джоди в тот же день, когда они уехали. Просто перестала — без объяснений, без переходного периода. Когда Кэтрин спросила через неделю, где Джоди, Мисси посмотрела на неё с искренним недоумением.

— Кто?

Мальчики снова начали драться и ссориться. Крис перестал мочить постель. Дэнни-младший перестал просыпаться с криком. Всё вернулось в норму — быстро, за несколько дней, как будто двадцать восемь дней на Оушен-авеню были болезнью, от которой они выздоровели.

Но Даниэль продолжал просыпаться в 3:15. Каждую ночь. Без исключений. Он просыпался, смотрел на потолок, лежал десять-пятнадцать минут и засыпал снова. Это продолжалось месяцы. Потом годы.

Часть четвёртая. После

Всё, что написано выше, я собрал из публичных источников — газетных статей, судебных протоколов, интервью,

книг. Но одну встречу провёл сам.

Я разговаривал с Кэтрин Ларсен в 2019 году. Ей было шестьдесят семь. Она жила одна — Даниэль умер в 2006-м от сердечного приступа, ему было пятьдесят девять. Дети выросли, разъехались. Мисси стала учительницей в Коннектикуте. Мальчики — один в Техасе, другой в Орегоне. Далеко от Лонг-Айленда. Все — далеко от Лонг-Айленда.

Кэтрин сидела на кухне своей квартиры в Сан-Диего — маленькой, светлой, с видом на парковку — и пила чай. Она говорила спокойно, без надрыва, без драматизма. Как человек, который рассказывал эту историю сотни раз и давно перестал ждать, что ему поверят.

Я спросил: что, по её мнению, было в том доме?

Она долго молчала. Потом сказала:

— Я не знаю, что там было. Я знаю, что там что-то есть. Не «было». Есть. Настоящее время.

— Почему настоящее?

— Потому что такие вещи не заканчиваются. Они не привязаны ко времени. Они привязаны к месту. Дом стоит. Значит, оно там.

— Но новые жильцы ничего не замечают.

Она посмотрела на меня. Тёмные глаза, почти чёрные. Тот самый взгляд — не мигая, чуть наклонив голову.

— Может быть, оно спит, — сказала она. — Может быть, ждёт. Может быть, ему нужен определённый тип людей. Я не знаю. Я знаю только одно.

— Что?

— Даниэль просыпался в 3:15 до конца жизни. Каждую ночь. Мы уехали из того дома в январе 1976 года. Даниэль умер в октябре 2006-го. Тридцать лет. Каждую ночь. Без единого исключения.

Она допила чай и поставила чашку на стол.

— Мы уехали из дома, — сказала она. — Но я не уверена, что дом уехал из нас.

Я вышел из её квартиры в четыре часа дня. Сан-Диего. Солнце. Семьдесят восемь градусов. Пальмы. Люди в шортах и солнечных очках. Нормальный мир. Безопасный мир.

Той ночью я проснулся в 3:15.

Я лежал в гостиничном номере и смотрел на красные цифры электронного будильника, и в комнате было тихо — абсолютно, неестественно тихо. Я думал о том, что, наверное, это совпадение. Конечно, совпадение. Весь день я думал об этой истории, и подсознание сработало как будильник. Ничего странного. Ничего необъяснимого.

Я повернулся на бок и закрыл глаза.

Уснул не сразу.

Дом на Оушен-авеню стоит до сих пор. Если поехать по Лонг-Айленду в сторону Амитивилла и свернуть на Оушен-авеню, вы его увидите. Он выглядит иначе — другой цвет, другие окна, другой номер. Но это тот же дом. Те же стены. Тот же подвал. Та же земля под фундаментом.

В нём живут люди. Они говорят, что всё в порядке.

Может быть, так и есть.

Может быть.

Примечание автора. Имена семьи, проживавшей в доме после трагедии 1974 года, изменены. Хронология событий и ключевые детали основаны на публичных показаниях, судебных материалах и журналистских расследованиях 1977–2019 годов. Автор не утверждает и не опровергает паранормальную природу описанных явлений. Автор утверждает только одно: дом стоит.

T

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.